

УДК 930.94

DOI: <https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5517>**Рецепция античности – социальный конструкт?*****Мягков Г.П.**

Доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Казанского (Приволжского) федерального университета,
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

В статье обосновывается специфика постмодернистских интерпретаций феномена «рецепция античности» как социокультурного конструкта. В отличие от позитивистской парадигмы, основанной прежде всего на структурно-функциональном анализе и представленной в качестве некоей идеальной модели, выступающей средством познания и преобразования социальной реальности, рецепция античности в конструктивистской перспективе предстает результатом коллективного конструирования, феноменом, образ которого меняется в зависимости от социокультурных условий различных социальных практик.

Ключевые слова: рецепция, рецепция античности, историческая память, социальное конструирование реальности, социокультурная рецепция античности, Н.И. Кареев, Е.А. Чиглинецов.

В современной России в числе вопросов, обращенных к профессиональному историческому сообществу, особое место занимают те, что связаны с поиском путей консолидации общества, формирования гражданского общества, определения общенациональной идеи и её идеологического обоснования. История как процесс и история как наука (или шире – как знание, научное и адаптированное) становятся движущими силами самоидентификации как государства, так и гражданского общества, определяют социальные и культурные приоритеты в инновационном развитии, предлагают векторы внешних культурных и общественных связей, тем самым история становится одним из факторов, способствующих конструированию определенной социокультурной реальности в современной России. При этом, как показывает предварительный анализ общественных запросов на историческую информацию, в современном российском обществе важную роль играет и интерес к истории всемирной, которая воспринимается в тесной связи с историей Отечества.

Если попытаться осмыслить опыт обращения к сюжетам всемирной истории в самом широком

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00353 «Рецепция античности: современные историографические и социокультурные практики».

смысле, то можно выделить по меньшей мере четыре проблемные области: 1) изучение самого исторического процесса, так сказать онтологической составляющей истории отдельных стран, регионов, цивилизаций в разрезе отдельных эпох, периодов их истории; 2) изучение истории взаимодействия социумов в координатах пространства и времени; 3) изучение восприятия наследия прошлых эпох и культур научной, общественно-политической мыслью пришедших им на смену цивилизаций; 4) историко-философские, культурологические, политико-правовые и иные рефлексии.

Одним из самых известных опытов указанных рефлексий является феномен рецепции¹. По предельно широкому определению, рецепция – это осознанное заимствование и освоение богатств иных – чужих – культур в целях обогащения собственной. На сегодняшний день понятие «рецепция», наряду, скажем, с термином «историческая память» и ее производными, стало одним из самых

¹ Тезис, высказанный в 2001 г. как гипотеза, что «в современном гуманитарном знании стало уже общим местом утверждение, что рецепция наследия античности осуществлялась в различных сферах социально-культурной практики во все периоды истории человечества» [1, с. 166], за прошедшие полтора десятилетия получило подтверждение в многочисленных исследованиях и ныне приобрело аксиоматический характер.

востребованных в исследовательских практиках, в известном смысле потеснив на периферию исторических изысканий еще недавно лидировавшие такие термины-«отмычки», как «менталитет», «исторический опыт» и т.д., и т.п. Можно даже утверждать, что научное сообщество находится ныне в ситуации достаточно высокой сенсibilityности относительно выделенного феномена: призыв создать «культуру рецепции» [см.: 2, с. 329; 3, с. 403] не только услышан, но и успешно реализуется. Причины этого коренятся как в самой истории изучения рецепции, глубине осмысления содержания понятия, так и попадания на современном этапе в резонанс с общественными практиками, с интересом общества, обнаружившего в рецепции не только схоластические «упражнения», но и реальный механизм, способный придать импульс преобразовательным практикам и при том в позитивном для общества направлении. Трудно не согласиться с характеристикой, данной С.В. Ткаченко, одним из самых глубоких исследователей означенного феномена. Заступая дорогу «традиционному», «узкому» смысловому определению содержания рецепции, ученый подчеркнул, что «рецепция выступает и в роли цивилизационных "прививок", с помощью которых развивается современный мир» [4, с. 9]².

Открытие «смыслов» оказалось связанным прежде всего с тем, что на рубеже XX-XXI столетий, в условиях социокультурной ситуации постпостмодерна, конкретнее – теоретико-познавательной ситуации постнеклассической и неоклассической науки, ясно проявился, как подчеркивают С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева, «разрыв и параллельное сосуществование научно ориентированной и социально ориентированной истории» [5, с. 3]. Расширение проблематики и ее интеграция в предметном поле интеллектуальной истории позволило обратить внимание на новые функции рецепции, не ограничиваясь собственно дисциплинарной составляющей традиционно представляющих рецепцию таких наук, как история, философия, юриспруденция и т.д., а в пределе – «прежде всего *история исторической культуры*, сознания и мышления, история исторических представлений и концепций...» [6, с. 400-401].

Подобный процесс происходит и в области знаковой для постнеклассической исторической науки конца XX в. проблематики исторической памяти с ее прагматическим выражением – конструированием национального нарратива посредством «исторической политики». «Мемориальный бум» продемонстрировал – как, пожалуй, никакой другой социально-культурный феномен последнего времени – взаимосвязь / взаимозависимость доминирующих коллективных представлений об истории («мнемонического поля») и исторического познания

² См. там же об использовании понятия и в иных науках (филологии, биологии, культурологии, медицине, астрологии) [4, с. 10].

во всех его видах, включая и дисциплинарную историографию. В результате историческое познание не только выходило на полидисциплинарный уровень и включалось в максимально широкие и разнообразные социокультурные контексты, но и обнаруживало, что оно само, несмотря на все трудности и противоречия, может осмысливаться как результат парадигмального конструирования знания³. Особо значимым оказался проявившийся активно в 80-90-х гг. прошлого века антропологический поворот, когда предметной областью творчества историка, гуманитария вообще стало не только воспроизведение событий и явлений прошлого, проникнутое ранкианским замыслом продемонстрировать читателю, «как это было на самом деле», а исследовать и то, как эти события и явления отразились в индивидуальном и массовом сознании современников и потомков.

Описанная ситуация в изучении феномена исторической памяти выступает в роли «раздражающего» обстоятельства, в свою очередь, делающего небезынтесной задачу бросить взгляд и на сам процесс осмысления сущности рецепции. Разумеется, развернутое описание – дело специальных штудий. Для достижения наших целей вполне достаточен метод выявления реперных точек и представления процесса через анализ приходящихся на них поворотных моментов⁴. Таковыми можно полагать следующие процессы.

1. Сам процесс онтологического развертывания рецепции античности – ныне выявленный и осмысленный. Он, по общему признанию, включал передачу интеллектуального наследия в пространстве и времени. Поворотные фазы духовного развития стран и цивилизаций средневековья известны как Возрождения: Каролингский Ренессанс, Палеологовский ренессанс, европейский Ренессанс XIV-XV вв. – для них содержательной стороной становилось восстановление античных традиций, антично-гуманистическая ориентация духовной жизни [8, с. 208-213]. В эпоху Просвещения античное наследие огромное воздействие оказало на развитие философии и науки, идеологии грядущих буржуазных революций, которые, в свою очередь, не гнушались буквально осуществляться в «одеждах» античного мира.

2. Рецепция римского права. Это «крупное и сложное явление общественной жизни, ...связующее звено правового развития Древнего мира, Средневековья и Нового времени» [9, с. 110]. Выразившаяся в заимствовании римского права в период XII-XVI вв.

³ О трудностях последнего см.: [7]. Подчеркивая, что Memory studies стали междисциплинарной площадкой для диалога историков и философов, социологов и психологов, литературоведов и антропологов, Ф.В. Николаи полагает, что пока «этот широкий спектр исследований довольно трудно назвать единой "парадигмой": речь идет о разных режимах работы коллективной и культурной памяти» [7, с. 133].

⁴ Метод предложен и апробирован в кн.: [5, с. 7].

рядом западноевропейских стран, она привела к созданию западной традиции права, правовых систем нового времени. Римское частное право стало действующим, обрело не только выдающееся значение для развития европейской цивилизации в широком смысле этого слова, но и ознаменовалось рождением особой отрасли историко-правовой науки – науки о рецепции римского права. Она сама стала первым опытом анализа античной рецепции, породив принадлежащую к числу наиболее популярных в европейской историко-правовой науки тему: «Историография ее насчитывает уже тысячи книг и статей, и с каждым годом число последних увеличивается» [10, с. 262-179].

3. Становление философско-исторического подхода к проблеме рецепции античности относится к заслуге мыслителей XIX в., века истории. Подчеркивая стимулирующее значение трудов Г. Фогта и Я. Буркхардта [11; 12], российский исследователь В.А. Филимонов среди когорты русских историков (М.С. Корелин, А.Г. Вульфийус, И.М. Гревс, О.А. Добиаш-Рожественская и др.) особую роль в изучении рецепции античности отводит Н.И. Карееву. Обращение к наследию последнего как раз отвечает избранной нами методике реперных точек. «Заслугой русского ученого, – пишет В.А. Филимонов, – было сведение всех существующих точек зрения в единую непротиворечивую концепцию, поэтому для него вопрос о рецепции лежит не в плоскости простой эмпирии, а в сфере философии истории, которая, по его мнению, есть универсальный инструментарий для понимания сути любого раздела всеобщей истории, безотносительно времени и пространства, а также для понимания ее общего хода» [13, с. 268]. В заслугу Н.И. Кареева также следует отнести разработку понятийно-категориального аппарата⁵, попытку осмысления целого ряда значимых явлений европейской истории, как то принятие римского права во второй половине средних веков, распространение Кодекса Наполеона, «пересаживание» английских конституционных форм в континентальные страны и т.п. как процессы рецепции. Особое внимание он уделил анализу характера рецепции античного культурного наследия в ренессансную эпоху, определив ее в качестве главного структурообразующего фактора гуманизма [15, с. 121].

Новаторство Н.И. Кареева, полагает Филимонов, заключалось в том, что он не просто зафиксировал

«факты» рецепции, а стремился понять мотивы обращения средневековых юристов, гуманистов, литераторов и «просветителей» к классической древности, увидеть всемирно-историческое значение этого исторического феномена и найти ему место в создаваемой им философии истории. «Возводя рецепцию античного культурного наследия в категорию историко-социологическую, Кареев, таким образом, достигает номологического знания, что в свою очередь позволяет ему ставить и решать более широкие философско-исторические вопросы: о соотношении преемственности и разрывов в истории, продолжающегося и повторяющегося, и наконец, о соотношении и синтезе линейности и циклизма как архетипичных моделей исторического времени» [13, с. 373].

Учение Н.И. Кареева о рецепции античности возникло на русской почве совершенно закономерно. Оно корреспондировалось с постановкой историками «русской исторической школы» проблемы механизма взаимоотношений между народами, которые могут подражать друг другу, как разъяснял М.М. Ковалевский, только в области науки и техники; во всех же других сферах народы лишь «приспосабливают свои собственные порядки и учреждения к новым требованиям». Иностранцы образцы могут вызвать в обществе желания перемен, но проводимые в жизнь теми или иными политическими силами, они утвердятся только в том случае, если «не противоречат историческому наследию народа, характеру его верований, нравов, обычаев, учреждений» (М.М. Ковалевский). Подобное понимание механизма исторического процесса формулировалось в полемике с французским социологом Г. Тардом, представлявшим всю историю как противоборство «потоков подражания». Историки же «русской школы» видели в заимствовании (рецепции) лишь «звено в общей цепи событий», которое, включая в себя элемент самостоятельного творчества, имело содержанием «приспособление не общества к заимствуемым порядкам, а этих порядков к потребностям заимствующего их общества» (М.М. Ковалевский). Указывалось также, что «рецепция чужого» ускорила развитие «своего», придавала ему «наилучшее направление» (П.Г. Виноградов). Фактически с этим был согласен и В.О. Ключевский, писавший, что «влияние наступает, когда общество, его воспринимаящее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость у нее учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нее не одни житейские удобства, но и самые основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи, общественные отношения» [16, с. 241].

4. Источники формирования «современной» реперной точки. Созданием современной теории рецепции наука обязана Констанцскому университету (Германия), где сформировалась междисциплинар-

⁵ В литературе того времени сложилась тенденция «узкой трактовки» понятия рецепция (от лат. *гесертіо* – принятие) как «восприятие правовой системы и принципов древнего государства как основы национального права». Кареев предлагает расширительное толкование рецепции. «Заимствуются извне, – писал он, – не только слова, понятия, изобретения, которых раньше не было ни в языке, ни в мыслях, ни в работе народа, но заимствуются равным образом, и чужие порядки, законы, учреждения. Фактами этого рода полна история народов и в известных случаях для их обозначения употребляется термин – рецепция» [14, с. 268].

ная группа по изучению рецептивной эстетики (die Rezeptionsästhetik). Основы этой теории были изложены в 1967 г. Хансом Робертом Яуссом. Это выступление обозначило новое направление в структуралистском понимании текста: главной становится идея диахронии как динамического взаимодействия эпох прошлого и настоящего посредством диалога между читателем и автором [17, с. 192-200]. Изыскания В. Изера (одного из ведущих исследователей констанцской школы) в области актуализации скрытых изначально, но проявляющихся в процессе чтения возможностей текста, выступают дополнением к пониманию функций рецептивной эстетики во взаимодействии текста и читателя [18, с. 201-224]. Новые теоретические построения не могли не заинтересовать антиковедов как представителей комплекса гуманитарных дисциплин, базирующихся главным образом на работе с текстом, тем более, что примерами взаимодействия с античным наследием полна вся европейская культура, а междисциплинарное поле гуманитарных наук неоднократно демонстрировало и попытки осмыслить и обобщить этот опыт.

Другим источником современной постановки темы рецепции античного наследия стал, безусловно, антропологический поворот 80-90-х гг. XX в. Суть этого поворота заключается в обращении историков не столько к воспроизведению реальных событий прошлого, сколько к «смыслополаганию», т.е. воспроизводству их отражения в индивидуальном или массовом сознании как современников событий, так и людей, исторически отдаленных от исследуемой эпохи. Среди профессиональных практик, основанных на этом подходе, – анализ восприятия и реинтерпретаций событий последующими поколениями. В связи с рецепцией античности актуализируется понятие «образ».

Методологической основой постановки проблемы являются современные, соответствующие постнеклассическому этапу развития науки, представления о природе реальности и знания. В условиях признания в мировой философской и социологической науке концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, экспериментального подтверждения того, что социальная реальность выступает продуктом согласия, консенсуса между людьми по поводу восприятия одних и тех же значений, актуализировалась задача направить усилия на изучение того, что непосредственно дано сознанию индивидов, существует в их «коллективных представлениях», как конструируется intersubъективное человеческое сознание [19, с. 168-169]. Осуществляя работу по синтезу абстрактной теории и эмпирического знания, Бергер и Лукман фиксируют и описывают этапы формирования и развития «концептуального механизма поддержания символического универсума: первый, когда человек

(«каждый») может «просто жить» в рамках символического универсума; второй, когда в результате объективирования символического универсума в качестве «первого» продукта теоретического мышления возникает возможность «систематической рефлексии по поводу природы этого универсума», и третий, когда происходит «легитимизация в квадрате», выражающаяся в теоретизировании по поводу символического универсума [19, с. 171-172].

Именно на пересечении этих тенденций на рубеже XX-XXI столетий в Казанском университете было положено начало специальному исследованию рецепции античности, при котором предложено осмысление варианта исторической или социокультурной рецепции [20, с. 15], являющемуся, по сути, реализацией описанной Бергером и Лукманом «легитимизации в квадрате». Оно позволяет определить в качестве главного направления исследований анализ роли античного наследия в конструировании современной социокультурной реальности. Это усиливает роль и значение исторического знания, ибо «обращение к исторической или социокультурной рецепции античности позволяет исторической науке активно присутствовать на широком междисциплинарном поле современного гуманитарного знания и выполнять при этом утраченную некогда интегрирующую роль в социогуманитарных исследованиях» [21, с. 288]. Отечественный опыт подтверждается и материалами зарубежной историографии, и все это вместе создает единое общемировое исследовательское пространство в изучении рецепции и позволяет сделать вывод о том, что социокультурную рецепцию античности возможно изучать только в рамках междисциплинарных исследований [21, с. 162-171]. При этом античные образы и сюжеты наделяются смыслами, определяемыми не столько прошлым, сколько современностью и становятся символами, подверженными интерпретациям, поэтому античность «остаётся в виде дискретных образов, чаще – стереотипных» [20, с. 25]. Этот процесс конструирования исторического прошлого, как правило, характерный для носителей непрофессионального исторического знания, одновременно является и процессом конструирования настоящего, поскольку полученные образы становятся частью современной культуры. Процесс же дешифровки знаков, символов и образов позволяет изучить социальное сознание общества, в особенности представителей массовой культуры [см.: 22].

Литература:

1. Чиглинцев Е.А. О рецепции античного культурного наследия в XX веке // Античность в современном измерении. – Казань: «Новое знание», 2001. – С. 166-168.
2. Талашова Н.С. Античное наследие и И.В. Цветаев // Талашова Н.С. Избранные труды: В 2 т. – Т. 1. Проблемы истории и историографии античности / Сост. В.Д. Жигунин, Г.П. Мягков, Н.О. Талашов. – Иваново: Изд. центр «Юнона», 2001. – 412 с.
3. Летяев В.А. Феномен рецепции римского права в контексте глобализации // Историки в поиске новых смыслов: Сб. научных статей и сообщений. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2003. – С. 401-406.
4. Ткаченко С.В. Рецепция права: идеологический компонент. – Самара: СамГАПС, 2005. – 193 с.
5. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. – Орехово-Зуево: Изд-во МГО-ГИ, 2013. – 252 с.
6. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
7. Николаи Ф.В. Память, ностальгия, анахронизм: военно-историческая антропология на перекрестках прошлого и настоящего // Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации: сб. науч. ст. / Под науч. ред. А.Н. Нечухрина. – Гродно: ГрГУ, 2016. – С. 133-138.
8. Петров М.Т. Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных ренессансов. – Л.: ЛО Изд-ва «Наука», 1989. – 241 с.
9. Косарев А.И. Римское право. – М.: Юрид. лит., 1986. – 160 с.
10. Томсинов В.А. О сущности явления, называемого «рецепцией римского права» // Виноградов П.Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / Под ред. и с биографическим очерком У.Э. Батлера и В.А. Томсинова. – М.: Изд-во «Зерцало», 2010. – С. 262-279.
11. Фогт Г. Возрождение классической древности. – СПб., 1884-1885.
12. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. В 2-х т. – СПб., 1904-1906.
13. Филимонов В.А. Н.И. Кареев о рецепции античного культурного наследия в средние века и новое время // Историки в поиске новых смыслов. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2003. – С. 364-373.
14. Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса). (Из лекций по общей теории истории. Ч. II). – Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. – 320 с.
15. Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – XXVI + 148 с.
16. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т.; под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. – Т. 3. Курс русской истории / послесл. с. 343-362, и коммент В.А. Александров, В.Г. Зиминова. – 1988. – 414 с.
17. Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология. – М.: Флинта, Наука, 2004. – С. 192-200.
18. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология. – М.: Флинта, Наука, 2004. – С. 201-224.
19. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
20. Чиглинцев Е.А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. – 290 с.
21. Ашаева А.В., Чиглинцев Е.А. Рецепция античности: актуальные исследовательские тенденции в современном зарубежном антиковедении (опыт историографического обзора) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – Т. 154, кн. 3. – С. 162-171.
22. Межкультурный диалог в искусстве: теория и практика: монография / М.Г. Юнусова и др. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2016. – 124 с.

Is Reception of Antiquity a Social Product?

G.P. Myagkov

Kazan (Volga Region) Federal University

The present article is aimed to give reasons for the post modernist tradition to interpret Antiquity as a socio-cultural product. The positivist approach, which is chiefly based on structural and functional analysis, presents Antiquity as an ideal pattern for comprehending and transforming social reality. Unlike the latter, Antiquity interpreted in terms of the constructivism appears as a product of joint efforts. To put it another way, its image changes depending on the socio-cultural background of various social practices.

Key words: reception, reception of Antiquity, historical memory, social construction of reality, socio-cultural reception of Antiquity, N.I. Kareev, E.A. Chiglintsev.